

КРЕАТИВНОСТЬ КАК (ПРЕ)ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Д.В. Ермолович,

*кандидат философских наук, доцент
кафедры философии Белорусского государственного
университета информатики и радиоэлектроники*

Ученик спрашивает учителя: Когда наступят перемены? Сколько нужно ждать?

Учитель: Если ждать, то никогда...

(Восточная мудрость)

Теоретически конструируется требование последовательного преодоления препятствий личностного роста, обеспечивающих выполнение программы самореализации через рост креативной компетентности. Предлагается авторская модель развития креативной личности.

The requirement of consecutive overcoming of obstacles of the personal growth providing performance of the program of self-realization through growth of creative competence is theoretically designed. The author's model of development of the creative person is offered.

Ключевые слова: креативность, индивидуальность, изобретательство, нестандартное мышление, ментальная гибкость, стрессоустойчивость, самоактуализация.

Keywords: Creativity, individuality, invention, lateral thinking, mental flexibility, stress-resistance and self-actualization.

1. Предпосылочность и запрос на креативность

Необходимость социокультурно-исторического запроса на креативность предпосылается социальным кризисом позднего Средневековья (следствием социокультурного шока, вызванным крестовыми походами и столкновением культур) и повсеместно разворачивающимися социальными (буржуазными) революциями. Идеология социальной революции обращается к идее «нового человека» – Просвещение (во всех своих разновидностях), Маркс, Ницше и появление специальных наук, например такой как психология. Однако неразрешённость социального кризиса повергает в кризис и науку. Кризис науки и позитивистского мышления приводит к научной, научно-технической и технологической революциям, чему свидетелями мы сейчас и являемся. Научно-технический прогресс (или лучше процесс) есть системный, кибернетический, информационный, синергетический, etc. взгляд на действительность. Носителем таких взглядов должен стать наш современник. Почему «должен»? Потому что, начиная с 90-х годов XX века – времени повсеместного осознания изменения хода и темпа жизни, отечественный наниматель настойчиво требует для себя «креативного работника», а нанимающийся работник – «креативной», интересной работы, способной раскрыть или развить личный потенциал.

Современная реальность общественного сознания и общественной жизни (не только глобально, но и локально) выявляет множественный характер как внешнего конфликта сознания и жизни (конфликтогены несоответствия инди-

видуального и социального, личного и общего, теории и практики, потребления и производства и др.), так и внутреннего конфликта сознания (конфликтогены неадекватности самооценок и притязаний, инфантилизма и т. п.) или жизни (конфликтогены недостаточности ресурсов, средств и т. д.).

Педагогика – не только форма общественного сознания, но и технология общественной жизни, т. е. общество осознаёт себя, воспроизводя себя в культуре, посредством воспитания (через мораль и нравственность), обучения (через науки и искусство), формирования человеческой сущности (через философию и в философии). В связи с заявленным на современную педагогику (а также политику, идеологию...) ложится бремя разрешения (подготовки к разрешению) множественных конфликтов, ибо тактика выжидания, игнорирования, безразличия уже социально небезопасна. Речь не идёт о личной безответственности (педагога, политика, идеолога...): мазохизм и членовредительство с последующей жалостью к себе свойственны всем известным эпохам человеческой цивилизации; речь идёт о способности социальных групп, социума в целом достойно отреагировать на глобальный синкретизм социального-политического-экономического в информационном обществе, с текущей одномерностью и массовизацией индивида, когда каждому члену социума (социальной группы) придётся пожертвовать личными интересами и сознательно принять императивную модель поведения. Однако установки на человеческую императивность как в культуре, так и в личностном «конструировании» должны уже быть сформированы (сошлёмся здесь на цикл авторских статей более чем 10-летней давности [1–5]).

Каковы императивные запросы общества на человеческие качества? Идеальным видится запрос на универсальность: в этом случае общество (как субъект) может снять с себя ответственность за социальные последствия, ибо член общества (как носитель универсальности и иной субъект) в состоянии самостоятельно разрешать возникающие в обществе социальные проблемы (в качестве иронического примера можно предложить образ американского супермена). Но идеальные образования в логике развития/прогресса не заданы платоновски-первопричинно – реально, иначе мы попадаем в ситуацию «дурной бесконечности». Поэтому идеальные образования могут задаваться только аристотелевски-потенциально – номинально, т. е. требуют специальной организации усилий, упорядоченности действий, осмысленности целеполаганий по их раскрытию. Таким образом, универсальный субъект требует для своего «производства» специальной технологии, получившей наименование «технология креативности». И такой запрос, запрос на креативность, в новейшей истории уже сформулирован.

2. Определение креативности, скрытое противоречие в определении

Терминологическое определение креативности, наверное, впервые даёт поздний Альфред Адлер (1935), ученик З. Фрейда, основоположник направления индивидуальной психологии: «креативное Я» – максима, активное начало, смыслообразующая первопричина человека. Креативность аксиоматизируется (в культуре последовательно-генетически: природа, Бог, человек), а дедуциро-

вание креативности непосредственно из сущности «человеческого» снимает вопрос об истинных целях культуры – совершенство человека. Действительное достижение такой «истинности» гарантируется правильностью, последовательностью необходимо заданных (культурой) действий, т. е. той или иной технологией личностного роста (сначала по образцу и только потом, собственно по правилам).

Фактически же можно обнаружить (в Internet) только рамочное определение *креативности*: от общепсихологического определения – *творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к принятию и созданию принципиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления и входящих в структуру одарённости в качестве независимого фактора* до философского – *фундаментальный процесс спонтанного трансцендирования потенциальностей и виртуальностей, технологически ведущий к становлению и перманентному расширению сферы универсума*. Но никакое «научное» определение креативности не будет достаточным для установления категориального статуса понятия (например, так как у Адлера): сущностные, категориальные определения предельны, освобождены от наукообразной формы, принимаются (или не принимаются) наличной культурой сразу, по-даосски, без всяких усилий, естественно, становясь языком культуры.

Именно поэтому следует различать естественность, креативность и инновационность, искусственность. Если анекдотически, то это выглядит следующим образом. Возле окна, задумавшись, стоит сотрудник фирмы. Руководитель фирмы на вопрос обеспокоенного рядового работника о том, почему он ничего не делает, отвечает – «Всем молчать, прошлый раз, когда он *так* “ничего не делал”, фирма получила 500 000 долларов»... Итак, в данном примере естественно себя ведёт задумавшийся сотрудник, креативно – руководитель фирмы, инновационно – рядовые работники, искусственно – сама система отношений (начальник – подчинённый) или ценностей (500 000 долларов).

Гиперпопулярное ныне слово «инновация», строго говоря, характеризует собой вещи обыденные, повседневные. Синонимия значений слов «креативность» и «инновация» недопустима, эти слова характеризуют либо явления противоположные: социально-психологически и житейски – это различие на уровне преобразования и адаптации, деятельности и поведения; либо даже доводятся до противоречия: сущностно-мировоззренчески и морально-этически – ответственность и безответственность, осмысленность и бессмысленность. Оправдать такое положение вещей всё же можно, ибо императивный запрос на креативность оборачивается объективно всего лишь запросом на инновационность (реализовать такой запрос значительно проще): ранние культуры вынужденно инновационны, накопление позитивных эффектов порождает традицию, а вместе с ней и застойные моменты в жизни обществ. Со временем «сытые» западные (и другие) цивилизации теряют интерес к жизни, поддержание собственного жизненного тонуса требует открытости отношений, привлечения «свежей крови», интеллектуальных ресурсов извне, а массово формулируется запрос на инновацию и только. Таким образом, подмена понятий – это или

очередной софизм, или логическая ошибка (то ли манипуляция сознанием, то ли интеллектуальная беспомощность, самообман).

3. Опыт моделирования креативности, ожидания и риски

Анализ проблемы творчества показывает, что для раскрытия содержания понятия «креативность» необходимо диалектически выявить (выделить существенное и им ограничиться, т. е. смоделировать категориальную систему) полноценный (самодостаточный, развивающийся и воспроизводящийся) набор существенных признаков и характеристик. В результате анализа на основании отечественных и зарубежных разработок может быть построена модель, получившая название: «Креативность – модель “5+”» [6].

Выделены следующие пять сторон креативности: изобретательство, «нестандартное» мышление, ментальная гибкость, стрессоустойчивость и самоактуализация. И следуя позиции А. Адлера, связующим элементом этой конструкции может выступить только *человеческая индивидуальность*.

В не прямое доказательство полноценности, самодостаточности, воспроизводства предложенной модели дадим здесь краткие характеристики техник и технологий развития названных сторон креативности, причём каждая техника (технология) развивает не только одну какую-либо сторону, но и требует применения комплекса техник (технологий) для достижения необходимого результата. Прямым же доказательством может быть только реальная практика, а оптимистическим взглядом на проблему креативности может стать лозунг: креативности можно учиться, креативность можно развивать.

Отечественные разработки: технология ТРИЗ+РТВ (теория решения изобретательских задач + развитие творческого воображения) (Г. С. Альтшуллер) и СМД-методология (системо-мыследеятельностная) (Г. П. Щедровицкий) с практикой ОДИ (организационно-деятельностной игры).

Технология ТРИЗ+РТВ за почти 70-летнее своё существование прошла пять этапов в своём развитии [7; 8]. На первом этапе, используя анализ большого массива инженерно-технических и научных патентов и авторских свидетельств, было выявлено и систематизировано более сорока приёмов, помогающих разрешать технические противоречия. На втором – синтезируя приёмы, физико-химические и иные эффекты, законы развития различных систем, были разработаны около 80 стандартов решения изобретательских задач. Третий этап связан с разработкой и совершенствованием алгоритмов решения изобретательских задач (АРИЗ), предложены 17 модификаций, последняя модификация – АРИЗ-85В. Целью этапа ставится достижение ИКР (идеального конечного результата) на основании законов развития технических систем и правил преодоления психологической инерции (РТВ). Четвёртый – это собственно теория изобретательства на основе ТРТС (теории развития технических систем) с переходом к общей теории сильного мышления (ОТСМ), т. е. к теории решения творческих задач во всех областях деятельности. И наконец, пятый этап – выход из ТРИЗ к ТРТЛ+ЖСТЛ (теория развития творческой личности + жизненная стратегия творческой личности) с поиском идеальной творческой стратегии и формированием концепции «Максимального движения вверх».

Одним из итогов развития ТРИЗ становится понимание эффективной личностной стратегии, условий формирования активной творческой позиции, сводимым к требованию постоянного личностного и профессионального роста и выраженности как минимум шести качеств:

1. Наличие достойной цели – новой (или недостигнутой), значительной, общественно полезной.
2. Умение программировать достижение поставленной цели.
3. Большая работоспособность по выполнению намеченных планов.
4. Умение решать творческие задачи в выбранной области, владение техникой преодоления противоречий на пути к цели.
5. Готовность «держать удар»: отстаивать свои идеи, выносить непризнание, непонимание.
6. Результативность: на пути к конечной цели должны регулярно вырабатываться промежуточные результаты.

Хотя технология ТРИЗ по мере своего развития практически на каждом этапе меняла объект исследования и потому не может в должной степени считаться сформированной теорией, но всё-таки она получила широкое международное признание и распространение в сферах не только производства, прикладной науки, педагогики, но и PR-практике, практике принятия управленческих решений и т. п. Природа технологического успеха ТРИЗ – в инновациях, в потребительской (ситуативно-чувственной, прагматической или даже утилитарной) жизнедеятельности обывателя, массовости (того, что происходит со всеми, – брендовая составляющая культуры) и гламурности (того, что происходит не с нами – трендовая составляющая) современной культуры.

Когда ТРИЗ была определена её автором как прикладная диалектика (было прямо заявлено о «диалектике изобретения»), то в этом виделась не только дань времени и месту (60-е годы XX века, Советский Союз), но и «здоровое» желание заручиться при построении теории надёжным мировоззренческим, методологическим основанием. Г. С. Альтшуллер апеллирует к необходимости отыскивать и разрешать («устранять») технические противоречия в ходе изобретательского творчества. И уже по Гегелю, «сильное» мышление – это умение мыслить противоречие. Но, в свою очередь, противоречие открывает множественную и принципиально непостижимую связь с миром (пример формально-логического противоречия: А и не-А, где не-А тождественно всему, т.е. любой предмет, кроме А, может быть определён как не-А). Гносеологический оптимизм поэтому требует хотя бы признания предельного монизма: всё движется – у Гераклита, небытия нет – у Парменида и т. п. Именно поэтому с точки зрения содержательной логики нельзя ограничиться противоречием («техническим, административным, физическим») как внешним, воспринимая его в качестве дефекта или недостатка. Диалектика требует движения мысли от обнаружения противоречия, которое присутствует везде, что банально, к поиску единства и борьбы противоположностей, устанавливаю связей конкретного с всеобщим, выявлению единства многообразного. Мысль в этом случае движется к при-

чине внутренней, к источнику противоречия, к самой природе творческой активности, к самодвижению и саморазвитию.

СМД-методология [9] требует личностной позиции, осознания комплексности проблемной ситуации, овладения техникой «внешней» рефлексии и технологией программирования мыследеятельности, понимания действительности как самоопределения. Основные идеи СМД-методологии и ОДИ следующие:

- постижение действительности возможно эпистемологически, действительность не понимается, а конструируется в форме знания посредством деятельности;
- в мыследеятельности и через мыследеятельность знание приобретает смыслы, удержание смысла (ещё не знания) возможно в практике мыследеятельностной игры – рефлексии;
- синтез знания и мыследеятельности порождает смыслы, движение по смыслам есть метод постижения, моделирования действительности;
- «игра» – тотальна («играют играючи»), коллективная мыследеятельностная имитация, форма осмысленной жизни.

Что мешает удовлетворению запроса на креативность? Кроме известных «нормативных» причин: узость, реактивность, консервативность, репродуктивность мышления, необходимо обратить внимание на причину, редко обсуждаемую современной, в том числе и педагогической, общественностью. На неё, хотя и неявно на примере организации коллективной мыследеятельности и развития «методологического движения», в своё время (а логико-методологическому движению уже более 60 лет) обратил внимание разработчик СМД-методологии Г. П. Щедровицкий: в процессе освоения действительности человек сталкивается с необходимостью формирования «стрессоустойчивости», способности преодолевать непонимание окружающих, отстаивать свою позицию, проявлять принципиальность (сохранять приоритетность при воспроизводстве установленного порядка вещей) и т. п.

Однако формирование «стрессоустойчивости» не самоцель, она не только предназначена для устанавливания личностной позиции и успешного самоопределения, но и предполагает должную организацию (и лишь потому возможной) командной работы, т. е. того «общественного», что «открывается» у человека в процессе его формирования. В свою очередь, проблема «командности» – это не только резонансные эффекты/явления, фактическое умножение сил/потенций (от лат. *potential* – сила), но и отсутствие в современных условиях универсальности, даже профессионализма, и, как следствие, по необходимости создание условий для работы в группе по функциональным показателям (типа: генератор идей, критик, аналитик, оптимист, скептик и т. д.).

Технология креативности поэтому требует специально организованного знания, дидактики в виде «конфликтной, кризисной педагогики» (образ которой всё ещё не устоялся). Необходимость такой педагогики возникает как в ситуации кризиса (конечно же, духовного, когда рушится система ценностей и возникает вопрос о социальном и личностном самоопределении и о том, чему учить и как учить), так и в ситуациях непосредственного дефицита времени

(или иных – физических, психических, социальных и т. д. ресурсов, а это фактически явление постоянное), когда требуется ускоренное и качественное решение образовательных или других задач (например, текущее сокращение времени подготовки специалистов в высшей школе).

Естественная природа какого-либо дефицита порождает ситуацию конфликта, которая и должна становиться ситуацией обучения в рамках «конфликтной педагогики». Необходимость создавать ситуации невозможности осуществления целенаправленной деятельности из-за тех или иных причин, обнаруживать «разрывы» в деятельности (так называет подобные ситуации Г. П. Щедровицкий) и обучаться их преодолевать в специально организованной деятельной игре (ОДИ-технология) открывает возможность для формирования успешного опыта управления всякого рода конфликтами.

Организационно-деятельностная игра (ОДИ) выступает средством достижения поставленных целей по специально разрабатываемым в каждом конкретном случае сценариям, требует регламентированного и «щадящего» вхождения участников ОДИ в игру, их самоорганизации и самоопределения в ней, от чего во многом зависят успешность и эффективность проводимой игры. «Игра» у Щедровицкого не только имитирует, но и создаёт напряжённость и в целом должна сформировать навык успешной работы в ситуациях напряжённости, деятеля, принимающего решения; игра обратима (жизнь – нет), и в этом её преимущество. Выходу из игры следует уделять особое внимание: игровой, как и виртуальный, опыт требует коллективной мыследеятельности, рефлексивного анализа и обобщения, но в то же время не должен порождать иллюзий, искажать восприятие действительности. Кажущиеся самодостаточность и тотальность (в шекспировском театре жизни играют все) игры как обучающего метода (деятельности) требуют серьёзной и ответственной подготовки со стороны ведущих и организующих мыследеятельностную практику: можно совершать процесс мышления, но не породить ни одной мысли.

Мыследеятельная рефлексия (как участников игры, организаторов, методологов, так и вообще профессионалов, специалистов) и развитие рефлексивной способности – одна из целей и самоцель ОДИ («конфликтной педагогики»), инструмент и опыт конкретного мышления. «Конкретное мышление» (от *лат. concretus* – сгущаться, уплотняться, срастаться), по сути, – синтезирующая деятельность интеллекта, мышление о мышлении, т. е. конкретное есть синтез многих определений, единство многообразного (И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс), и потому оно рефлексивно. Рефлексия (самоотождествление) в мышлении – это результат мыследеятельности, в действительности – её исходный пункт: воспитывает воспитатель, образовывает образованный, изобретает изобретатель, т. е. воспитание, образование, изобретательство и т. п. – это самодеятельность и иным быть не может. Естественность конфликта, самодеятельность, рефлексивная практика – вот основания «конфликтной, кризисной педагогики» и креативного образования: познание начинается с «нет», противоречия, сомнения.

Отечественные разработки проблемы креативности реализуются практически, *с одной стороны*, исходя из своих социокультурных традиций посред-

ством идеализации жизненных примеров, конструирования наглядных эталонов, что создаёт иллюзию доступности, обманчивой простоты достижения требуемого результата и «массовизацию» образа креативного работника; с другой стороны вместе с этим они (разработки) подвержены доверию к методическим приёмам, построениям, разного рода алгоритмам, схемам, что создаёт иллюзию гарантированности достижения приемлемых результатов при строгом соблюдении установленных правил и делает «массовым» круг специалистов, занятых внедрением и распространением креативных технологий.

Зарубежные разработки: теоретико-практическая концепция самоактуализации Абрахама Маслоу, концепция «нестандартного (латерального) мышления» Эдварда де Боно и техника психолингвистической коррекции [10–12; 13; 14].

Теоретико-практическая концепция самоактуализации выделяет следующие проблемы: психического здоровья, мотивации развития, иерархии потребностей. Персонология А. Маслоу детерминируется целостным взглядом на психически здорового человека, мотивированного на поиск личных целей и раскрывающего свой творческий потенциал. В своей иерархической теории потребностей Маслоу разделил потребности на базисные – постоянные (потребность в воспроизводстве, безопасности, позитивной самооценке и др.) и производные (или метапотребности) – изменяющиеся (в справедливости, благополучии, организации социальной жизни). Метапотребности ценностно равнозначны и не имеют своей иерархии. Базисные, согласно принципу иерархии, расположены в восходящем порядке от «низших» материальных до «высших» духовных и на каждом новом уровне становятся актуальными (насущными, доминантными, требующими удовлетворения) для индивида лишь по мере их удовлетворения. Первые два типа базисных потребностей в своей иерархии Маслоу называл врождёнными, три остальных – приобретёнными: 1) потребности непосредственного биологического выживания – физиологические; 2) безопасности и защиты – экзистенциальные; 3) привязанности и любви – социальные; 4) самоуважения и признания – персональные; 5) самоактуализации – духовные. Он не рассматривает «персонализацию» как завершение развития «Я», а считает её промежуточной целью, шагом на пути к самотрансценденции (самоактуализации) как стоящую более высоко в иерархии потребностей, чем потребность в самореализации и независимости. Большинство людей обладает способностью самоактуализации, но лишь у небольшого их меньшинства (менее 1 %, по его оценке) эта способность в какой-то степени реализуется.

Психологический, личностный рост Маслоу определяет как последовательное удовлетворение всё более высоких потребностей. Движение к самоактуализации не может начаться, пока индивид не освободится от доминирования низших потребностей, таких как потребности в безопасности или уважении. Стремление к более высоким целям само по себе указывает на психологическое здоровье. Самоактуализация предполагает:

- полное, живое и беззаветное переживание своего внутреннего мира;
- выбор в пользу развития, а не безопасности;

- предоставление своему Я реальной возможности проявиться;
- честность и принятие ответственности за свои действия;
- развитие способности «лучшего жизненного выбора»;
- постоянное развитие своих потенциальных возможностей ради естественной связи с миром, а не единичного достижения;
- «пик-переживание», ощущение себя более интегрированным, целостным, гармонично организованным, способным к творчеству;
- обнаружение своих границ и работу по их преодолению с целью раскрытия своего Я.

«Трансперсональность» мотивов, т. е. мотивов, лежащих за сферой персональных интересов самоактуализирующихся людей, порождает гуманистический образ цивилизации, который предполагает не только требование индивидуальной самореализации (достижение личного успеха за счёт потерь и неудач другого), но и требование «синергии», объединённого действия, кооперации и гармонии людей. При высокой социальной синергии культурная система ценностей усиливает кооперацию и позитивные чувства между индивидами, помогает минимизировать конфликты и разногласия между ними.

Опыт исследования самоактуализации, рассматриваемой как социально-психологический императив и эгоцентрический личностный рост, вне определяющей роли социально-исторического развития личности, показал значительные ограничения теории. Однако идеи А. Маслоу, оставаясь по преимуществу теоретической конструкцией, благодаря своим универсальным объяснительным возможностям послужили основой для многих современных моделей социальной работы, образования, консультирования, организации труда.

Метод (концепция) нестандартного мышления – это систематизированный подход к формированию творческого мышления с помощью формальных методов:

- *техника «шести шляп»*: «белая» – нейтральность и информационное мышление, «красная» – интуиция и чувства, «чёрная» – осторожность и логически обоснованная критика, «жёлтая» – логически обоснованный оптимизм, «зелёная» – творческое усилие и творческое мышление, свежие идеи, «синяя» – управление и контроль над процессом мышления;

- *приёмы латеральных действий*: творческая пауза, фокусирование, творческий вызов, поиск альтернатив, веер концепций, провокационная идея (метод провокационных идей – идея «ПРО»), переход к полезной идее, случайный ход, побочные эффекты, толкование идей и их применение, формальный итог, групповая и индивидуальная работа;

- *методики непосредственного обучения мышлению*: направление внимания, планирование и организация мышления, информационное взаимодействие, инновационный вызов, оценка и принятие решения, деятельная способность (Боно вводит термин «действительность») и др.

Доктор де Боно – автор обучающей программы CoRT (программа непосредственного обучения мышлению), введённой в школах многих стран мира в качестве обязательного предмета. Работал с IBM, Du Pont, Prudential, AT&T,

British Airways, Shell, NTT, Ericsson, Total, Siemens и др., создатель Международного офиса творческих идей при ООН, инициатор создания «клубов мышления» по всему миру и т. п.

Однако с точки зрения «теоретичности» технологии «нестандартного» мышления Боно «стучится в открытую дверь»: скептически относясь к диалектике (в первую очередь классического периода Античности) как поддающейся формализации критичной методологии и тем самым не видя в диалектике принципов развития и всеобщей связи, сводит диалектику к средневековой схоластике. Взамен (средневековой схоластики) предлагает «экслектику» (основанную не на «каменной», консервативной, а на «водной», гибкой логике) – некритическую оценку различных мнений по поводу предмета мысли, организованное «параллельное мышление». «Экслектика» не эклектика: Э. де Боно целенаправленно стремится создать специальный язык, помогающий осваивать «нестандартное» мышление, постоянно ссылается на восточный опыт компромисса, критикует рационалистическую западноевропейскую традицию мышления, обращает внимание на несовершенство современных методов отображения действительности западной цивилизацией.

С практической точки зрения преимущество метода Боно, во многом совпадающего с сократическим методом (о диалектическом методе см. [15, с. 44–49]), перед, например, «мозговым штурмом» заключается в активизации роли участника «группового, корпоративного креативного мышления», а отсюда и возрастание меры ответственности и вместе с этим управляемости ходом решения задачи с явным ростом КПД интеллектуального взаимодействия. Отсылая к технике «шести шляп», представьте себе модницу, сидящую перед зеркалом с ворохом шляп. Что она будет делать? Всё-таки искать себя, а не шляпу... Коллективный же субъект в этом случае при поиске себя, себя не теряет. Поиск себя не становится судьбоносным, а превращается в процесс самосовершенствования (т. е. совершенствуется всегда уже что-то имеющееся). Продолжающаяся практическая разработка, популяризация и усилия по распространению метода «нестандартного мышления» – значительная заслуга разработчика и его последователей.

Техника психолингвистической коррекции (поведения, эмоций, мышления), или, в традиционном названии, нейролингвистическое программирование (техника НЛП), – механизм изучения и преобразования содержания субъективного опыта, опирается на единство средств получения и обработки вербальной и невербальной информации (в первую очередь зрительной, слуховой и кинестетической модальности), приёмов и стратегий межличностной коммуникации в человеческом поведении и познании. Однако уже широко известно, что техника НЛП требует известной доли осторожности в применении (с одной стороны, не менее 15 % людей относятся к легковнушаемым, с другой – расширяющийся социальный инфантилизм значительно повышает процент НЛП-зависимости) и потому не только должной («сертифицированной») подготовки, но и мотивированно этической направленности воздействия.

Основные положения и понятия психолингвистической коррекции (НЛП):

- *убеждение* (риторическая культура, по Аристотелю, опирается на «логос», «этнос» и «пафос») и *внушение*;
- *пресуппозиции* – основные принципы нейролингвистического программирования (например, «вселенная дружелюбна и полна ресурсов») или набор позитивно сформулированных в виде афоризмов убеждений (не обязательно доказуемых), используются в качестве базового инструмента для групповой и индивидуальной работы с техниками НЛП;
- *зеркальное отражение* – подстраивание под поведение собеседника с целью установления более тесного контакта;
- *репрезентативная система* – система, кодирующая в нашем сознании сенсорную информацию, поступающую к нам через органы зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния;
- *репрезентативные элементы* (паттерны, рапорты, предикаты и др.) – феномены, факторы и термины, которые позволяют определить репрезентативную систему человека (например, «Это звучит здорово»);
- *конгруэнтность* – полное соответствие между произносимыми словами и другими составляющими коммуникационного процесса, такими как мимика, поза или интонация, а также иные техники и ресурсы повышения эффективности самопрезентации, межличностной и социальной коммуникации.

Техника психолингвистической коррекции разрабатывалась на базе и по примеру психотерапевтических практик (техники М. Эриксона и др.). Она даёт возможность без рационализации (что необходимо в практике психоанализа и её сторонников) получать приемлемый результат благодаря выполнению последовательности шагов и соблюдению приёмов техники. Результат здесь заменяется процессом (современная технократическая тенденция), что возможно при жёстком контроле над составляющими, рамками и функциями процесса, а также минимизации всякой внешней и внутренней активности. В действительности – это тенденция к безответственности, невозможность контролировать последствия и гарантировать получение результата. При ролевой определённости: врач – пациент, учитель – ученик, продавец – покупатель и т. п. данная техника может иметь выраженный эффект, ибо не требует работы над рационализацией действительности и прямо обращена к эмоциональной (до-волевой, до-мотивационной) составляющей поведения (т. е. ещё не деятельности). Таким образом, НЛП-воздействие есть квазимотиватор, пусковой механизм, провозакация роли по заданному сценарию (нужны, конечно, площадка, сцена). Предполагается, что НЛП-техника может стать эффективной для «личного» пользования: развитие чувствительности и гибкости к малейшим изменениям действительности, внимания, эмоциональности, даже экстрасенсорики; построение запусковых и сдерживающих механизмов тех или иных действий – «якорение»; «расшифровка» кодов «чужого» поведения и др.

Зарубежные разработки проблемы креативности обращают пристальное внимание на иррациональную природу креативности, мельчайшие элементы

природы последней, её натуралистическую основу (опять же отсылка к Адлеру), «избранность», редкость самого явления, но вместе с тем и естественность, простоту самой технологии креативности (нетворчества). Делается ставка на синергетический характер креативности, якобы упущенный человеческой культурой, и потому ответственность за их (креативности и человеческой культуры) развитие, совершенствование возлагается на отдельного (отделённого от социума) человека. Собственно сам термин «креативность» имеет чисто западное происхождение (там же и популяризуется).

В свою очередь, социокультурная природа творчества в отечественной традиции, как было уже показано, фиксирует как инженерию изобретательства, так и в целом деятельностный характер творчества, где цели и средства деятельности ведут к более высокой способности научно-теоретического мышления и универсальности субъекта. Наблюдаемая поляризация отечественных и зарубежных оценок ведёт к созданию ниш для разработок современных технологий креативности. Комплекс, единство подходов необходимо снимают и простоту, и недоступность в «осмысленной» организации процесса формирования креативности как естественной и запрашиваемой зрелой культурой человеческой способности – культуры производства, так и пользовательской креативности – культуры потребления.

Сила предлагаемой модели «Креативность – модель “5+”» – в синтезе, потенциальной организуемости отдельных элементов, технологий. Основная слабость каждой отдельной технологии – не только утопизм в целях «спасения творческого духа» человека, но и попытка создания единого для всех и каждого средства совершенствования человеческой природы. Дело собственно не в увеличении количества элементов модели, а в конструировании «плюсов» – актуализации индивидуальности, т. е. креативность – атрибут естества (природы), сущность, первопричина, архэ действительности. Для увеличения эффективности такой актуализации, возможно, в первую очередь в педагогической практике потребуются нарушить традицию «феноменологического» обзора (отсылки к цитатам и авторитетам) и обратиться напрямую к рефлексии любой возникающей проблемы практики (и науки) имеющимися средствами, понимая при этом «зрелую» рефлексивность как моделирующую способность сознания (см. [6]).

4. Креативное образование как проблема

С чем придётся столкнуться в начале этого пути – создания условий для внедрения креативного образования: авторитаризмом школьной педагогики, конечно, от бессилия ума; вынужденной, «обученной» беспомощностью, например в математике; настойчивым научением факту, а не деятельности. Для преодоления подобных препятствий потребуются организация поддержки на всех возможных уровнях как необходимого условия формирования социально значимых запросов и ответов на них, серьёзное внимание к мелочам (у каждого свой предел «терпения»: «недотерпел – стал обыкновенным»), ибо они в потоке жизни создают условия для необратимости движения к цели. Таким образом, образование предваряется воспитанием терпения. Потребуется отказаться от суетных ожиданий, скорых и готовых решений, «весёлого» прыганья по

верхам. И главное, чтобы современное учебное заведение не превратилось в культурно-просветительское учреждение, выполняющее непростую задачу: «развеселить грустного и усмирить буйного».

В «производстве» атрибутивных человеческих качеств современное общество, для которого характерны высокий уровень потребления и преобладание сферы услуг над сферой производства товаров, сталкивается с явлением деградации базовых ценностей. Служение (в первую очередь в таких сферах, как медицина, педагогика, армия, Церковь) трансформируется в услугу. И, например, в близкой автору сфере формируется такой образ учителя и педагога, как «лузер», ретроград, утопист, «психопат» (текущая оценка российских исследователей).

Сам же процесс образования, производства «человеческого капитала» (по оценкам мыслителей преимущественно «левых» убеждений) уже в XX веке распадается на несколько автономных, но всё же малорезультативных технологий:

- образование как процесс угнетения и отчуждения, невежество учеников оправдывает существование учителей (П. Фрейре);
- образование как ритуал и священнодействие, прилежное высиживание аттестатов и дипломов (И. Иллич);
- образование как суррогат науки, т. е. школа должна быть отделена как от религии, так и от науки (Т. Кун, П. Фейерабенд);
- образование как самообразование, хочешь помочь человеку – не будь учителем, т. е. образование без системы образования (К. Роджерс) и др.

По мнению Г. М. Маклюэна, канадского коммуниколога, на смену левополушарному или правополушарному мышлению приходит мозаичное, снижающее логико-интеллектуальные способности, способности к критическому осмыслению (воспроизводству) получаемой информации. Развитие электронных средств общения, образования определяется как «ампутация» человеческого сознания.

Просвещённые такими обстоятельствами беспокойство пугает и толкает нас ум не вперёд, в перспективу, а чаще всего в разного рода авантюры очередного социально-образовательного эксперимента.

Нужна программа формирования образа человека, противостоящего обстоятельствам. С разработкой такой программы **университет-бюрократия** – основная форма государственных образовательных учреждений – не справится, к **университету как конфликтной организации** наше общество ещё не готово, а вот на модель **университета как коллегиального сообщества** падёт бремя разработки новой образовательной идеологии.

Порекомендовать коллегиальному университетскому сообществу можно следующее:

- высшая школа в качестве объекта образования выбирает политехнологическую *профессиональную зрелость*, обеспечивая не только необходимую связь теории с практикой (избегая при этом любой формы «профессионального кретинизма»), но и должную трансформацию роли студента на протяжении

обучения в вузе («Недоученный хуже неучёного. Переученный хуже недоученного» – народная мудрость);

- средствами формирования профессиональной зрелости на основе оптимизации процесса обучения должны стать рефлексивное мышление как атрибут системы высшего образования, мировоззренческая широта, исследовательская деятельность и проблемное обучение;

- высшая школа превращается в социальный институт, где формируются толерантность, интеллигентность и просвещенность, в процессе обучения достигаются адекватность притязаний, самооценки и способность к самоконтролю, персональной социальной ответственности.

Представляется целесообразным предложить, в свою очередь, некоторый набор общих требований, способствующий успешности креативного образования:

- *методологически необходимо* в рамках специально организованной информационно-образовательной среды апробировать, использовать, совершенствовать так называемую дидактическую эвристику (полилог, проблемность, мотивационное и интеллектуальное соответствие); обеспечить в целом дискурсивный (внешний и внутренний) характер образования; обратить внимание на мировоззренческую и этическую направленность современного знания;

- *содержательно необходимо* обеспечить интегративность, «экологичность» (безвредность) и универсальность процесса обучения; правильно оценивать и критически переосмысливать современные западноевропейские универсалии культуры (активизм, меркантилизм, карьеризм, индивидуализм и др.); выявить и задействовать имеющийся креативный потенциал обучаемого;

- *формально-организационно необходимы* дистанционное, мобильное получение необходимой высокорейтинговой информации; интерактивное профессиональное консультирование.

Список использованных источников

1. Ермолович, Д. В. Организационные и субстанциональные проблемы рефлексии / Д. В. Ермолович // Адукацыя і выхаванне. – 1999. – № 3–4. – С. 40–44.
2. Ермолович, Д. В. Трансактное моделирование педагогической ситуации / Д. В. Ермолович // Адукацыя і выхаванне. – 2000. – № 10. – С. 27–32.
3. Ермолович, Д. В. Связь гуманитарности и образования / Д. В. Ермолович // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 1. – С. 31–36.
4. Ермолович, Д. В. Связь мотивации и обучения (К вопросу о развитии учебной мотивации и эффективности обучения) / Д. В. Ермолович // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 10. – С. 18–24.
5. Ермолович, Д. В. Связь индивидуальности и развития (о психосоциальном конструировании гармоничного человека в форме индивидуального обучения) / Д. В. Ермолович // Адукацыя і выхаванне. – 2002. – № 4. – С. 9–17.
6. Ермолович, Д. В. Формализация и актуализация креативности: креативность – модель «5+» / Д. В. Ермолович // Императивы творчества и гармонии в проектировании человекомерных систем : материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 15–16 ноября 2012 г. – Минск : Право и экономика, 2013. – С. 389–391.

7. Альтшуллер, Г. С. Творчество как точная наука / Г. С. Альтшуллер. – М. : Сов.радио, 1979.
8. Альтшуллер, Г. С. Как стать гением / Г. С. Альтшуллер, И. М. Вёрткин. – Минск : Беларусь, 1994.
9. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995.
10. Боно, Э. Рождение новой идеи / Э. Боно. – М. : Прогресс, 1976.
11. Боно, Э. Нестандартное мышление : самоучитель / Э. Боно. – Минск : Попурри, 2006.
12. Дилтс, Р. НЛП : управление креативностью / Р. Дилтс. – СПб. : Питер, 2003.
13. Ермолович, Д. В. Маслоу // Новейший социологический словарь / Д. В. Ермолович. – Минск : Книжный Дом, 2010. – С. 536–537.
14. Маслоу, А. Психология бытия / А. Маслоу. – М.–Киев, 1997.
15. Ермолович, Д. В. История материалистической диалектики (в конспективном изложении) : метод. пособие / Д. В. Ермолович. – Минск : БГУИР, 2012. – 59 с.

Ермолович Д.В. Креативность как (пре)образовательный проект // Педагогическая наука и образование. – 2014. – № 1. – С. 12-22.